

Н. А. БЕРДЯЕВ

Три юбилея

(Л. Толстой, Ген. Ибсен, Н. Ф. Федоров)

В этом году исполняется столетие со дня рождения трех гениальных людей — Л. Толстого, Генриха Ибсена и Н. Ф. Федорова. Как ни противоположны они между собой, их объединяет радикализм и максимализм мышления и одинаковая вражда к окружавшему их буржуазному миру. Все трое были духовными революционерами, хотя мало общего имели с вульгарным социально-политическим революционерством. Двое из них — Л. Толстой и Ибсен — приобрели мировую славу, третий же — Н. Федоров — остался известным лишь в узком кругу и ждет еще своей оценки. Л. Толстой и Н. Федоров были связаны личным общением, и прославленный Толстой преклонялся перед нравственным характером скромного Федорова. Сейчас в России начинают пользоваться популярностью идеи Н. Федорова, образуется федоровское направление. Интерес сегодняшнего русского дня к Н. Федорову объясняется его своеобразным коллективизмом, его активизмом, верой в технику, враждой к индивидуализму и к романтической и пассивно-мистической настроенности культурной аристократии, его верой в миссию России. Орган религиозной мысли не может не упомянуть этих трех великих людей. <...>

Н. Ф. ФЕДОРОВ*

Николай Федорович Федоров, скромный библиотекарь Румянцевского Музея, не напечатавший ни одной книги при жизни и отрицавший право продавать книги, русский самородок и чудак,

* В Харбине почитатели и последователи Н. Ф. Федорова приступили к изданию «Философии Общего Дела» небольшими выпусками. Пока вышел Выпуск I¹. Нужно горячо приветствовать это начинание. См. мою статью о Н. Федорове «Религия воскрешения» в «Рус<ской> мысли»².

известный лишь в очень узком кругу, был гениальным человеком. Н. Федоров — русский из русских, по нем можно изучать своеобразие русской мысли и русских исканий. В жизни ему был свойствен натуральный, легкий аскетизм и своеобразная праведность. Замечательнейшие русские люди его времени отзывались о Н. Ф. восторженно и преклонялись перед его личностью. Достоевский, не знавший лично Н. Ф., пишет об его «идее», что «в сущности совершенно согласен с этими мыслями. Их я принял бы за свои». Вл. Соловьев, на которого Н. Ф. имел огромное и еще не раскрытое влияние, пишет ему: «Прочел я Вашу рукопись с жадностью и наслаждением духа... Проект Ваш (речь идет о Федоровской идее воскрешения) я принимаю безусловно и без всяких разговоров... Ваш проект есть первое движение вперед человеческого духа по пути Христову. Я, с своей стороны, могу только признать Вас своим учителем и отцом духовным». Фет сообщает Н. Ф. отзыв о нем Л. Толстого: «Я горжусь, что живу в одно время с подобным человеком, и прибавляет от себя: «Я не знаю человека, знающего Вас, который не выражался бы о Вас в этом же роде». Л. Толстой преклонялся перед нравственным обликом Н. Ф. и прощал ему самые резкие о себе отзывы. Друг Н. Ф. В. А. Кожевников, написавший о нем книгу, говорит о нем: «То был мудрец и праведник, а более близкие к нему добавляют: то был один из тех праведников, которыми держится мир». Основной идеей Н. Ф. была чисто русская идея ответственности всех за всех, идея активного участия человека в деле всеобщего спасения и воскресения. Н. Ф. болел о розни и небратском отношении людей. Он совсем не был писателем, не был и философом в обычном смысле слова, он никогда не стремился к тому, что называется «культурным творчеством», — он искал «дела», и «дела» всеобщего спасения. Он — самый крайний антипод индивидуализма, своеобразный коллективист. У него нет интереса к субъективному миру души и есть отвращение к романтике культурных людей. Н. Ф. — смертельный враг капиталистического общества как неродственного, основанного на розни, безбожного и антихристианского, и в этом он радикальнее коммунистов, которые по сравнению с Н. Ф. выглядят буржуа. Учение Н. Ф. есть прежде всего призыв к всеобщему труду, к религиозной организации труда и регуляции труда. Он не любил сословия ученых, отделивших мышление от жизни, и обличает грех отпадения интеллигенции от народа. Ему совершенно чужда теоретическая философия, созерцательная метафизика. Его собственная философия проективна и активна. Философия должна не пассивно отражать мир, а активно преобразовывать и улучшать мир. В этом Н. Ф. имеет формальное сходство с Марксом. Отделение теоретического разума от практического есть грехопадение мысли. Поэтому философию свою он называет «философией общего дела».

Только та философия подлинна и оправданна, в основании которой лежит печалование о горе и смерти людей. Это печалование было в высочайшей степени у самого Н. Ф., и в этом он стоит на необычайной духовной высоте.

Для Н. Ф. единственное и последнее зло есть смерть. Всякое зло исходит от смерти и приводит к смерти. Мировая борьба против смерти есть задача, поставленная перед человеком. Н. Ф. резко критикует учение о прогрессе как религию смерти. Прогресс устраивает жизнь на кладбище, на истлевших костях предков, он основан на забвении долга по отношению к умершим отцам, он узаконяет поедание поколением последующим поколения предшествующего, прогресс мирится со смертью и противоположен идее воскресения и воскрешения. Подлинное призвание человека есть призвание воскресителя жизни. В миропонимании Н. Ф. своеобразно сочетаются консервативные и революционные элементы. Он хочет радикального поворота времени от будущего к прошлому, победы над смертоносным временем. Человек должен заботиться не только о потомках, но и о предках, он имеет обязанности не только к сынам, но и к отцам. Человек — прежде всего сын, и Н. Ф. хотел бы раскрыть и утвердить сыновство человека. Сын человеческий должен иметь память и заботу об умерших отцах, не может мириться со смертью. Христианство есть религия Воскресения. И Н. Ф. говорит не только о Воскресении, но и о Воскрешении. Человек призван к активному уготовлению всеобщего Воскресения, а это и значит, что он призван к Воскрешению. Люди должны соединиться в общем деле Воскрешения. Н. Ф. — страшный враг монофизитских уклонов в христианстве. Для него активен не только Бог, но и человек. В этом смысл христологического догмата о богочеловечестве. Отделение неба и земли есть искажение христианства. Христианство стремится к преображению земли, к упорядочению мировой жизни, к внесению разума и сознания в стихийные силы природы, к покорению смертоносной природы человеку-воскресителю. Вера в активное призвание человека связана у Н. Ф. с верой в разум, в науку, в технику, в возможность регуляции всей природы. Мышление его имеет космический размах. В природе свирепствуют неразумные стихийные силы, которые ведут к торжеству смерти. Победа над смертью есть победа над этими неразумными стихийными силами через регуляцию, через целесообразную активность человека. Но регуляция стихийной природы для Н. Ф. не есть завоевание и насилие, не есть властвование, но исполнение священного долга перед умершими, перед отцами, она совершается не для будущего только, но и для прошлого, для восстановления праха предков. В корне отличается федоровская идея регуляции природы от идеи прогрессивной цивилизации. Н. Ф. — прежде всего христианин и православный.

Безбожная наука и техника могут сеять лишь смерть. Новизна идей Н. Ф., столь многих пугающая, в том, что он утверждал активность человека несоизмеримо большую, чем та, в которую верит гуманизм и прогрессизм. Воскресение есть дело не только Божьей благодати, но и человеческой активности. Пассивное отношение к стихийным силам природы и к смерти, ими вызываемой, он считает величайшим злом. Н. Ф. был своеобразным славянофилом и признавал великие преимущества Востока перед Западом, но менее всего он является сторонником восточной пассивности человека. На Западе человек был активнее, но активность эта была ложная. Она выразилась в западном прогрессе, который узаконяет смерть. Западная цивилизация, по Н. Ф., основана на гражданстве, а не на родстве. Но граждане — блудные сыны, забывшие об отцах. Также отрицательно он относится к товариществу, которое противоположно братству. Братство предполагает сыновство, которое есть основная категория социального мышления Н. Ф. Истинное общество есть родство и братство, основанное на сыновстве. Прообразом истинного человеческого общества является Св. Троица. Весь мир должен быть организован по образу Божественной Троичности, небесной родственности. Своеобразный социальный утопизм Н. Ф. заключался в том, что он верил в возможность патриархальной, родственной общности, основанной на культе предков. Он недооценивал силу зла и розни в человеческом обществе. Он верил в утопию русской самодержавной монархии, которая должна быть всемирной и вселенской. Русский православный царь должен править всем природным миром и стоять во главе сынов-воскресителей. Это предполагает такое единство веры, на которое мало оснований рассчитывать. Н. Ф. был, в сущности, противник государства и гражданского общества. Человеческое общество должно быть семьей, основанной на общем религиозном культе. Он — крайний враг всякой секуляризации. Все должно вновь стать сакральным. Войны народов, как и борьба классов, должны прекратиться, и силы религиозно объединенного человечества должны обратиться на войну со стихийными силами природы и со смертью. Войска должны быть обращены на борьбу против стихийных метеорологических явлений, к завоеванию вселенной. Но это предполагает замирение человечества, победу над злой волей внутри человечества.

«Проект» Н. Ф., который целиком принимал Вл. Соловьев, был самым дерзновенным за всю христианскую историю: люди должны соединиться для общего дела — воскрешения умерших предков. Христианство до сих пор верило в воскресение, но никогда не дерзало говорить о воскрешении, об активности человека в восстановлении жизни отцов. Н. Ф. требовал, чтобы вся жизнь людей, вся культура была перенесена на кладбище, ближе к праху отцов.

Кроме храмовой литургии должна быть внехрамовая литургия, вся жизнь должна стать внехрамовой литургией. Само разделение на сакральное и профанное должно быть преодолено, все должно стать сакральным. Оригинальность Н. Ф. в том, что при этом он признавал великое значение науки, техники и организованного труда. Он враждебен мечтательно романтическим и мистическим настроением. Он хочет реального, почти что материалистического воскрешения. Первым условием общего дела воскрешения умерших предков является нравственное объединение людей, прекращение розни и борьбы, раскрытие братской и сыновней любви. Это есть обязательное духовное условие, без которого «общее дело» невозможно. Человек должен духовно и нравственно сознать себя воскресителем, сознать обязанность относительно отцов, т. е. всего умершего человечества. Нравственное сознание Н. Ф. необычайно высоко, выше этого сознания в христианском мире никто еще не поднимался, оно несоизмеримо выше того сознания, для которого христианство есть религия личного спасения, «трансцендентного эгоизма». Каждый христианин должен думать о спасении, восстановлении жизни, воскресении всех, не только о живых, но и об умерших, не только о себе и своих детях, но и обо всех сынах человеческих. Человек для Н. Ф. есть прежде всего сын, а потом уже отец и брат. И он предлагает утвердить культ «вечной детскости» вместо дурного культа «вечной женственности», во имя которого, по Н. Ф., создается капитализм, роскошь и наслаждения жизнью. Для Н. Ф. характерна мужественная чистота, полное отсутствие декаданса, который явился у последующего поколения. Но далее следует наиболее проблематическое и вызывающее возражение в учении Н. Ф. о воскрешении. По учению Н. Ф., воскрешение достигается не только делом, совершенным Христом, Иисусом и Спасителем, и не только духовными и нравственными усилиями человечества, человеческой любви к умершим, но и научной, технической, физической активностью людей. Жизнь людей, перенесенная на кладбище, должна быть опытом восстановления праха предков совместными усилиями религии и науки, священника и ученого техника. Он говорит даже о физико-химических опытах воскрешения, что производит почти жуткое впечатление. Вера Н. Ф. в силу науки и техники безгранична, но реализация этой силы возможна лишь при определенных религиозных и духовных условиях. В миросозерцании Н. Ф. были сильные элементы натурализма и рационализма, которые согласовались в нем с традиционным православием. Он недооценивал значение иррациональных сил в жизни, и иррациональное было для него всегда стихийным злом, которое должно быть преодолено регуляцией, т. е. рационализацией мировой жизни.

Мы подходим к самой грандиозной и головокружительной идее Н. Федорова. У Н. Ф. было совершенно своеобразное и небывалое отношение к апокалиптическим пророчествам, и учение его представляет совершенно новое явление в русском апокалиптическом сознании и русских апокалиптических упованиях. Русская апокалиптичность обычно принимает пассивные формы. Русский человек ждет конца мира, пришествия антихриста и последней борьбы доброго и злого начала. Но сам он пассивно претерпевает мистические веяния Апокалипсиса. Такая пассивная апокалиптичность была в нашем расколе, была она у К. Леонтьева и Вл. Соловьева под конец жизни. Надвигается конец мира, все разлагается, приближается царство антихриста. Человек не имеет силы ему сопротивляться. Совершенно иное настроение у Н. Ф. Он учит о том, что апокалиптические пророчества условны, они представляют лишь угрозу. Если человечество не объединится для общего дела воскрешения умерших предков, восстановления жизни всего человечества, то наступит конец мира, пришествие антихриста, страшный суд и вечная гибель для многих. Но если человечество в любви объединится для общего дела, исполнит свой долг в отношении к умершим отцам, если оно все силы отдаст делу всеобщего спасения и воскресения, то не будет конца мира, не будет страшного суда и не будет вечной гибели ни для кого. Это есть проективное и активное понимание апокалипсиса. От человека зависит, чтобы удался Божий замысел о мире. Никогда еще не высказывалась в христианском мире столь дерзновенная и головокружительная мысль о возможности избежать страшного суда и его неотвратимых последствий через активное участие человека. Если свершится то, к чему призывает Н. Ф., то конца мира не будет и человечество с преображенной и окончательно регулируемой природой перейдет непосредственно в вечную жизнь³. Н. Ф. раскрывает эсхатологические перспективы, которые еще никогда не высказывались в христианском мире. Н. Ф. — решительный антигностик, для него все решается не пассивным мышлением и знанием, а активным делом. Апокалиптическое и эсхатологическое сознание призывает к делу, к активности, к ответственности. Если конец мира приближается, то это-то и должно вызвать небывалую активность человека, объединенное усилие избежать рокового конца и направить мир к вечной жизни. В идее этой есть необычайное величие и высота, до которых никто не подымался.

Русская мессианская идея у Н. Ф. принимает совершенно новые формы. Он страстно верит в Россию и русский народ, в его единственное призвание в мире. В России должно начаться «общее дело». Западная Европа слишком увлечена культурой и прогрессом. Но культура и прогресс изменили делу воскрешения, они идут путем узаконения смерти. Н. Ф. не дожидаясь до русской ката-

строфы, в которой была так страшно извращена русская мессианская идея. Русский коммунизм есть антипод федоровской идеи, ибо он совершил надругательство над прахом предков, в нем явился не воскреситель, а мститель, и он обращен исключительно к будущему. Русский коммунизм, с федоровской точки зрения, есть религия смерти, но в нем есть черты обезьяньего сходства с федоровским «общим делом», — объединение людей, регуляция, направленная на всеобщее благо и земное спасение, антииндивидуализм, отрицательное отношение к культуре, к интеллигенции, к мышлению, оторванному от жизни, активизм и прагматизм. Н. Ф. необычайно характерен для русской идеи и он ждет своей оценки. Слабая сторона учения Н. Ф. — невидение иррациональной свободы зла в мире, рационалистически-натуралистический оптимизм. Отсюда рождается утопизм, столь характерный для русского мышления. В действительности мистика менее утопична. Н. Ф. видит в смерти — источник зла и в победе над смертью — главную задачу. В этом его правда. Но он преуменьшает мистический смысл прохождения через смерть как внутренний момент жизни, т. е. спасительный смысл Креста и Голгофы. Мы должны приветствовать интерес к Н. Ф., переиздание его сочинений и развитие его идей. Но в нашу эпоху он может быть и ложно истолкован. Величие Н. Федорова прежде всего в его нравственной идее, в печаловании о розни и горе людей, в призыве к человеческой активности, в жажде всеобщего спасения и воскресения.

